

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги
ЛОУРЕНСА НОРФОЛКА,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Пир Джона Сатурналла
Словарь Ламприера
Носорог для Папы Римского

ЛОУРЕНС
НОРФОЛК

НОСОРОГ
для
ПАПЫ РИМСКОГО

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Н 83

Lawrence Norfolk
THE POPE'S RHINOCEROS
Copyright © 1996 by Lawrence Norfolk
All rights reserved

Перевод с английского
Наталии Рудницкой, Георгия Яропольского

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Владимира Гусакова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-14361-6

© Н. Рудницкая, перевод, статья, 2018
© Г. Яропольский (наследник), перевод, 2018
© А. Блейз, примечания, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство ИНОСТРАНКА®

Лоуренс Норфолк — гений.

Луи де Берньер

Мистер Норфолк знает что делает.

Мартин Эмис

Норфолк на голову выше любого британского писателя в своем поколении.

The Observer

Норфолк — один из лучших наших сочинителей. Смело пускаясь в эксперименты с языком и формой повествования, он никогда не жертвует сюжетной занимательностью.

А. С. Байетт

Крупнейшее — во всех смыслах — произведение британской послевоенной литературы. Настолько блестящее, что я был буквальным образом заворожен.

Тибор Фишер

Каждая страница этой книги мистера Норфолка бурлит пьянящей оригинальностью, интеллектуальной энергией.

The New York Times Book Review

Раблезианский барокко-панк, оснащенный крупнокалиберной эрудицией.

Independent on Sunday

Историческая авантюра завораживающего масштаба и невероятной изобретательности, то убийственно смешная, то леденяще жуткая, то жизнеутверждающе скабрезная, то проникновенно элегическая.

*Барри Ансуорт
(Daily Telegraph)*

Революционная новизна ракурса, неистощимая оригинальность выражения.

The Times Literary Supplement

Один из самых новаторских и амбициозных исторических романов со времен Роберта Грейвза. Выдающееся достижение, практически шедевр.

The Independent Weekend

Подобно Умберто Эко, Норфолк берет детектив и облакает его плотью тайны и интеллектуальной интриги, так что сама эрудиция становится одним из двигателей сюжета.

Los Angeles Times Book Review

С Пинчоном Норфолка роднит и особая гипнотическая, элегическая интонация. Однако он вполне самостоятелен и способен воздействовать словом на читателя без посторонней помощи. Так или иначе, он не просто сравнялся со своим учителем, но и превзошел его, — и я не могу придумать лучшей похвалы, чем эта.

Time Out

Барочная проза, лихие повороты сюжета, яркие картины экзотического прошлого.

Harper's & Queen

Посвящается Вините

БЛАГОДАРНОСТИ

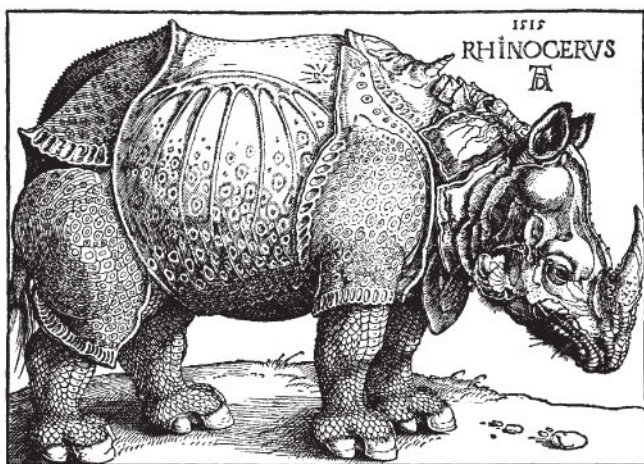
Автор признателен Томасу Хардеру за его перевод свидетельского отчета Якопо Модести о разграблении Прато (с итальянского), профессору Герману Вальтеру из Мангеймского университета за экземпляр «*Historia Senensium*» Сигизмондо Тицио, обнаруженный в библиотеке Ватикана его коллегой, Ингрид Д. Роулэнд из Чикагского университета, и, наконец, музыкантам «Кронос-квартета» за их аранжировку «*Purple Haze*» Джими Хендрикса для струнного квартета.

Все рыбы едят. Все рыбы мечут икру.
Немногие рыбы мечут икру там, где едят.

Арне Линдрот

I

ВИНЕТА

Когда-то это море было промерзшим насквозь. Высокие горы взвизгивали на ледяную равнину, стегаемую поземкой, что билась об изломы гранитных берегов. Пройдут столетия, прежде чем галька и валунная глина поведают о том, как мучительно медленно полз лед по скалам и песчанику; морены и кряжи доложат о наступлениях и отходах, сформировавших впадины и подводные гребни. Так было подготовлено к принятию моря дно — задолго до того, как море его покрыло. Но во времена междуцарствия здесь правили льды.

Линии сброса и разломы затягивались, зарастали, становились неразличимыми на дне гигантской чаши, еще не ставшей ни Ботническим, ни Финским, ни Рижским, ни Гданьским заливами. С севера мчались вьюги, слой за слоем на земную твердь ложились снега, и твердь прогибалась под их тяжестью. Будто перлины разбитого флота, переплетались в крошечной тьме жилы мерзлой нефти. Ледяные глыбы были усеяны оспинами вмерзшего в них песка: казалось, песок вырвало из земной поверхности каким-то чудовищным взрывом, и он, вместе с галькой, навечно застыл в бескрайнем холоде, не согретом ничьим дыханьем, потому что здесь царствовала смерть.

Но вот поверхностный сбой: бледный диск света, прорастающий в покрытом снежными крапинками небе, намекает на радикальное смещение оси, бури теряют мощь, превращаются в порывы ветра и в злобные вихри, ледяные гиганты вопиют в ночи. Дюйм осадков — тысяча лет, геологическая эра — всего лишь угловой градус: таяние уже началось, но еще много веков будут дробиться и огрызаться льды, пока первые их кристаллы не растают, не растекутся к северу по изыбшей поверхности, превращая ее

в зеркало, в котором солнце наконец сможет узреть свой лик. Лучи света шпарят по льдам прямой наводкой, пробивают бреши в их обороне, и вот уже на полярный холод наступает массивный фронт разогретого воздуха. Талые воды струятся меж сверкающих надолбов и скал, замерзают, оттаивают вновь. Легкие живого существа, по недомыслию сунувшегося в эту студеную пустыню, не способны были бы перенести обжигающую сухость ночного воздуха, да и ветер мгновенно превратил бы это существо в камень. Днем ледовое небо бесстрастно глядит на результаты того, что натворила ночь, на валуны, на каменные осыпи, на щелочные элементы, пока еще томящиеся внутри инея. Там, куда не пробиваются солнечные лучи, лежат спрессованные временем соли.

Но дни становятся длиннее, и все шире разливаются талые воды, средние температуры поднимаются, над льдами встает влажный туман. Лукавые струйки проникают все глубже, пробивают себе путь сквозь скалы, устраивают тайные сходки на каменистом дне. Огромное ледяное поле на самом деле уже плавает, хотя слой воды под ним не толще дюйма, однако вода уже диктует льдам свою волю. Поверхность льдов все больше изборождена расселинами и каньонами, огромные кристаллы дробятся и рассыпаются, по дну образовавшихся ущелий бегут ручьи, они разъедают спрессованный лед и, напитавшись им, взбухают, превращаясь в реки. Воздух сотрясается от небывалого грохота — то рушатся ледяные колонны и арки. Прозрачные водоразделы опадают, расплзаются, все обширнее и глубже становится то, что не назовешь пока ни твердью, ни водой — разве что уподобить это архипелагу айсбергов, дрейфующих по океану собственной истаявшей плоти? И клубится туман, такой влажный, что и не поймешь — воздух это или вода. Сбитые с толку, ставшие вдруг беспомощными ледяные горы, над которыми все растет и растет зеленоватая вода, крошатся, отсылая на поверхность осколки — там их добывает солнце. В водной колыбели качаются маленькие плавучие льдины, солнечные лучи поднимают их в небо и превращают в облака, облака рассеиваются, становятся ничем. Где прежде был лед — теперь колышутся воды.

Но, как и прежде, они пустынно. Растет температура, воды растекаются на север и на восток, бурлящая плоть их движется сначала на юг, потом на запад — как когда-то льды. Все эти пере-

мены — местного порядка и ограничены западным направлением, вернее, здесь они заметнее. Но разве северные горы стали много ниже, а Аландские острова уменьшились числом? И насколько глубже стала Ландсортская впадина? Пусть воды, благодаря таянью льда, и стало больше, но подъем ее, за счет огромного пространства, не так уж и заметен, и его недостаточно, чтобы затопить острова и вползти на утесы. Движение идет и вглубь, и вширь. Слежавшуюся массу начинает распирать, попруванное дно восстает и наносит ответный удар, гонит воду к югу и западу, по обрамляющим Зеландию проливам Большой Бельт и Эресунн. Невысокие скалистые пороги, кажется, еще сильнее пригибаются перед медлительной неотвратимостью талых вод, и, когда таяние достигает самых северных, самых укромных уголков, вода переливается через скалы и устремляется на запад, к бурлящему от нетерпения океану, который ждал этой последней дани несколько миллионов лет. Пороги не способны на сопротивление — они ведь изначально были задуманы как морское дно. Все резвее и резвее, легкомысленно прыгая с обрывов, подталкиваемая накренившимся дном, вода мчится по пути наименьшего сопротивления на встречу с могучим океаном. Последние береговые редуты обойдены с флангов, вода устремляется вниз по песчаным дюнам, туда, где океан уже распростер свои объятия, и водные языки уже пробуют на вкус незнакомую океанскую соль. Прошел лишь час после прорыва — и вот оно, трепещущее, самое юное море на земле.

А на севере путь к океану преграждает тысячемильная скалистая гряда, всю долгую зиму собиравшая снег. Весной снег начал таять, и по горным склонам побежали ручьи, закипели в оврагах. Скопившаяся на дальних плато и пустошах вода наплатала широкие реки, они потекли на север и на восток. Дожди здесь частые, но недолгие, короткое жаркое лето сменяется осенней моросью. Первые люди увидели спокойное, сдержанное море с берегами, густо поросшими тростником. У южного берега — откуда воды и пришли — образовались извилистые протоки, вода выгрызла из земли материал для строительства отмелей, оголив красноватый песчаник, который потом безжалостно исхлещут зимние бури. Залежи целительной глины укутали истерзанный льдами гранит морского дна, лиловый вереск изукрасил пригорки на болотистом побережье. Воды здесь спокойные, густые дубравы и буковые леса дают древесину для постройки судов. Но что-то велит первым

людям двигаться на восток, вдоль берега, — вместо того чтобы отправиться морем на север. Есть путешествия, которым противиться невозможно, другие сводятся лишь к топоту. Люди обрацают свои обожженные солнцем лица к загадкам суши, оставляя позади неуловимые течения, кругооборот потоков, возмущение воды. Дороги диктуют им, куда направляться.

Странное, кроткое, обрамленное тростником море мирно колышется в своей гранитной колыбели, еще не до конца страхнувшей ледяную дрему, оно усеяно островами и ограничено на севере каменистыми берегами, оно вскормлено снегами и дождями и почти заперто выступом полуострова. Это море больше похоже на озеро, потому что стбит его водам добраться до океана, как они тут же замерзают и лед преграждает им дальнейший путь. Из-за пролива его воды манит к себе соленая океанская глубь, но море все никак не привыкнет к новым владениям и цепляется за свое прежнее существование, когда оно было продрогшим и безропотным. Слабые потоки, проникающие сквозь Скагеррак и Каттегат, намекают на далекие океанские штормы, но они медлительны и уступают стремительному напору дождевых и талых вод. В Арконской или Ландсортской впадинах эти покрытые пеной желтые воды — почти совсем пресные, неподвижные, чуть ли не гниющие. Раз в два года северные проливы замерзают: море еще не утратило черт, свойственных льдам.

Первые люди не вернулись сюда. Торфяники, береговая поросль, вересковые пустоши — все это веками стояло нетронутым, но через Большой Бельт начала пробираться рыба, она метала в слегка солоноватой воде икру, жирела на морских улитках, креветках, водяных червях и рачках. Атлантический лосось и морская форель устремлялись на восток и нерестились в широких реках, чьи горловины задыхались летом от выбившихся из сил миног, пока их не растаскивали орудия чайки и крохали. У дна, где вода солонее, паслись морская камбала, лиманды, песчанки и пинагоры, а в устьях рек, где вода была почти совсем пресной, роились пескари, щуки и плотвички. В Арконской впадине метала икру треска, рыбыны вырастали до гигантских размеров и пожирали друг друга. Весенняя и осенняя сельдь сбивалась в косяки на отмелях близ островов Рюген и Узедом. Миллионы существ плавали, плескались, метали икру и умирали в полном единении с природой, пока эти волны не разрезал первый киль и первые сети не

поволокли к берегу богатый урожай. Набеги, сражения, резня; в неподвижном воздухе слышны звон доспехов, глухие удары, выпученные рыбы глаза с любопытством наблюдают, как погружаются в их море бледные тела. Далеко от истерзанных берегов относили морские течения куски обшивки и рангоуты, застревали среди рифов смутные остовы кораблей.

Жизненные циклы сельди — время нагуливать жирок, время метать икру — были гибкими. Все прежние штормы их мало интересовали — от них оставались лишь сломанные весла да разбитые бочонки. Когда ветер начинал баламутить поверхность, сельдь уходила на глубину и искала убежища среди прибрежных скал, а когда волнение стихало, снова поднималась к поверхности в поисках пищи. Но этот шторм отличался от предыдущих: странный шторм — начинался-то он обычно, но потом стало происходить нечто непонятное. Рыбы, как всегда, ушли выжидать на глубину, но шторм все бушевал, все сильнее закручивал воду. Сельдь, забившаяся во впадины возле острова Узедом, трепетала от ужаса, потому что шторм с корнем выдирали водоросли, зачерпывал ил, ярость его проникала все глубже и глубже. Что происходило на поверхности, сельдь не знала, а там отмели отважно сопротивлялись наступлению на береговую линию, однако шторм откусывал куски берега и сплевывал их в подарок затаившимся рыбам. Истерзанные обитатели суши сдавались на милость обитателям глубин, разнообразным, многочисленным, терпеливым.

Для сельди прибрежные города были удивительными, таинственными местами, где под безлунным небом заканчиваются все пути. Здесь встречались, переплетались кильватерные волны, суда следовали одно за другим, оттуда, сверху, доносились глухие крики, и над косяками сельди, словно бесцельно бредущие стада, неуклюже проплывали неясные очертания днищ. Рыбы шли за ними до самого порта и погибали в сетях, которые обитатели суши вытягивали на борт, — в середине запутывались самые крупные рыбыны, они пытались прорваться на свободу, но нити все туже впились в жабры, и рыбыны задыхались. Сквозь скопившуюся на поверхности грязную пену, особенно плотную у причалов и на отмелях возле мыса, невозможно разглядеть, что там, в городах, происходит. Но рыбы догадывались, что их, этих одиноких существ суши, очень много и что они ужасно непоседливы. Алчность — вот что движет обитателями городов. У них отсутствует плаватель-

ный пузырь, они перемещаются, повинувшись каким-то непонятным течениям, и где у них, в конце концов, расположены зубы, глотки, желудки?

Но что это? Новый призыв в ярости шторма или эхо особенно мощного удара? Огромные пласты глины сорвались с истерзанного утеса, глыбы песчаника с грохотом покатались и рухнули в пучину, волны наконец-то победили отмель, устремились вперед, отхлынули, и вслед за ними, не выдержав собственной тяжести, ушло то, что казалось намертво вросшим в сушу. Содрогнулось дно, взмыли тучи ила, забившие рыбам глаза и жабры, но постепенно ил осел, и стали видны масштабы разрушения. То, что опустилось на дно, было больше самого большого из кораблей, это было той самой тайной, которой так долго жаждали рыбы, и оно все еще было окутано собственным последом. Там, за мелководьем, лежало оно, раскинувшись необозримо, со всеми своими людишками, домами, повозками, скотом и ароматами, которые рыбы ощущали раньше только издали. Маняще-зловонное изобилие... Рыбы выжидали, они чувствовали, что буря стихает. Они тарасились друг на друга, их толстые серебряные тела вились вокруг этих щедрых даров. И вот уже самые первые вильнули плавниками и устремились к цели. Победенные существа, те, что жили наверху, принесли рыбам свою дань — город.

Старые сельди плавали вместе с его жителями, кружили вокруг храмов, надзирали над рынками. Они заплывали в окна и двери, выискивая неуклюжих гигантов в развевающихся одеждах, которые когда-то разгуливали по улицам. Колеблемые течениями, гиганты походили скорее на растения, чем на людей. Сельди всплывали, погружались, всплывали вновь. К ним прибивались косяки других рыб. Поверхностные слои бурлили от мириад мальков — им никогда не забыть выкованного штормом договора о дружбе. Со временем город станет для них таким же привычным, как морское дно, а потом и вовсе от дна неотличимым.

Дары и годы: водоросли подбираются все ближе к берегам, суглинистые почвы размываются и уносятся волнами. Отсутствие приливов означает, что выживают даже низкие берега и островки. Самые древние останки в море — акульи зубы да китовые челюсти. Дрейфуют по морю тростниковые плоты, порывы северного ветра загоняют их в лагуны и в устья рек. Парус погружается в колеблющуюся тьму, в ней посверкивают кубки и браслеты, что-

бы исчезнуть в обволакивающем иле. Копья, ножны, лини, мешки с зерном — у всех свои траектории погружения. Пробитые корпуса кораблей сначала кренятся, а вот верхушки мачт ныряют сразу, но участь у всех одна: они попадают на дно. Существа, живущие на суше, тонут. Если лед не поддавался никому, то занявшая его место вода принимает всех, вода — умелый растлитель, в конце концов ей все отдаются. Сельдь это понимает. Со времен города — а ведь это было сотни поколений назад — их косяки никогда еще не были такими плотными и такими любопытными. Дань, ниспосылаемая сверху, всегда загадочна и неповоротлива, неуклюжа и бесформенна, исключений не бывает. Но *это* — оно не плавает и не тонет, а словно бы парит в воде так, как парят они. Они подбираются ближе, и *это* начинает дрожать, они чувствуют, как волнуется вокруг *этого* вода. В их отолитах отдаются какие-то глухие удары, плавники начинают трепетать. Здесь, на глубине, видно плохо, но что-то там, под *этим*, еще и болтается! Что это? Может, наконец-то ключ к последней тайне города? Что-то вьется там, наверху, они кружат все ближе и ближе, что-то напрягается, ослабевает и исчезает. Самая крупная из рыб тычется носом в пришельца: это наши, сельдяные воды, самые холодные слои! Но может, они ошиблись? Потому что *это* все-таки, кувыряясь, тонет, скрывается из виду. Некоторые из рыбин теряют к нему интерес и уплывают прочь, а глубоководные течения подхватывают пришельца — фантастическую дань, дрейфующую в почти пресной, лишенной приливов воде, вскормленной весенними ручьями, обремененной памятью о льдах, усмирненной неровными берегами, становящейся все глубже и мрачнее по мере приближения к городу. Ну что, забыли об *этом*? Нет, не совсем. Тупые рыбы носы тычутся в его бока. Любопытные сельди не позволяют *этому* погружаться слишком быстро, собственная странная форма выталкивает предмет на поверхность. Что же *это* такое? Вот что: в море погружается бочка, а в бочке сидит человек.

Тренировались они в Эвальдовом пруду, заросшем скользкими водорослями и усеянном рыбьими костями. По берегам его, вперемишку с дохлыми рыбами, гнили налетевшие из буковой рощи

листья, в стоячей темной воде плавали хлопья пены. Пруд располагался позади сарая, в котором вялили сельдь, ярдах в пятидесяти от берега. Позапрошлым летом Эвальд пытался его осушить. Слева земля шла под уклон — он решил, что, если прорыть во влажной торфянистой почве канаву, вода из пруда вытечет. Но уже на следующий день края канавы обвалились, и пруд снова наполнился. Эвальд как раз вернулся с ярмарки в Воллине и печально взирал на возрождение собственного пруда. Он нацедил себе пива и уселся за рыбным сараем. Допившись до мрачной ярости, он взвел лисьи капканы и пошвырял их — один за другим — в стоячую воду: в назидание себе самому, чтоб больше не пускаться в столь глупые предприятия. Капканы так и остались лежать на дне, о чем он предупредил обоих, надеясь отвратить от нелепой затеи, но они не послушались.

— Выше, Бернардо! Выше!

Они соорудили ворот, однако тот работал не очень хорошо, и его место заняли три шеста: два были связаны крест-накрест, а самый длинный, вставленный в уключину, служил рычагом. На одном конце шеста, над прудом, болталась большая бочка, на другом конце — Бернардо. Повинуясь идущим из бочки глухим командам, он то взбирался по шесту вверх, то сползал вниз. Они законопатили щели между планками бочки, прорезали сбоку окошко, в которое вставили кусок украденного в Нюрнберге стекла, а саму бочку обшили кожей, кроме окошка и верхнего днища, вокруг которых шла шнуровка.

— А теперь ниже, Бернардо! Ниже!

Он услышал громкое «плюх», почувствовал, как бочка погружается и затем перестает, оставшись на плаву — верх ее торчал над прудом дюймов на шесть, окошко оказалось наполовину над водой. Бочку позаимствовали из рыбного сарая Эвальда, и она, разумеется, воняла рыбой, да и парочку заноз тоже подарила. Он увидел, как шест, с помощью которого его опустили в пруд, взмыл вверх — прилепившийся к нему Бернардо походил на ленивца-переростка. Он помахал рукой, и бочка опасно качнулась. Ничего, все поправимо, нужен камень-балласт. Бернардо вроде бы тоже махнул рукой, широко и щедро, а на самом деле это у него разжались руки, в результате чего он свалился с шеста. Один конец, естественно, взлетел, а противоположный, к которому прикрепили бочку, рухнул в воду. В ожидании неизбежного он обхватил себя руками, *хрясь!* — конец шеста ударил по бочке сбоку, бочка

медленно накренилась, перевернулась, а он — вверх ногами — оказался в крошечной тьме и запаниковал.

Потом, высвобождая ногу Бернардо из лисьего капкана, — мокрые и продрогшие, оба грелись у костра, поглядывая на свое нуждавшееся в починке судно, истекавшее водой на берегу пруда, — он вынужден был признать: из-за того, что он вышиб стеклянное окошко, нынешняя их неудача вполне могла бы обернуться катастрофой.

— Об этом сразу надо было подумать! — ворчал Бернардо. Когда капкан наконец подался, он так и возопил от боли.

Погружение было таким быстрым, таким стремительным: нахлынула тьма, сдавила горло, вода и его собственный страх растворились друг в друге, перемешались, и мир перевернулся вверх дном. Он не мог этого вынести, нет, не мог. Он выбил стекло, и вода хлынула внутрь, прижала его к стенке бочки. Он закричал, забился, но только ободрал костяшки пальцев, а вода была тягучей, густой, как черная патока. Он-то запаниковал, стекло вышиб, а вот Бернардо бросился в пруд и спас его.

— Заткнись, Бернардо, — вот что сказал он ему сейчас.

Повезло — значит повезло. Не такое уж чудесное спасение — Бернардо не знает страха, и лисьи капканы ему нипочем, однако следует помнить, что если дело труба, то на Бернардо можно положиться. Дело не в способе спасения — все было просто, бочку и ее содержимое взяли да и перенесли на берег. Дело в самом Бернардо, в том, чем его наделила природа. Сам он едва мог сдвинуть с места это их изобретение, даже пустое и даже на берегу. А вот Бернардо — двухметрового роста и здоровенный, как дуб, — запросто воздел бочонок над головой, это ж надо — с ним самим и с водой внутри дотопал до берега, да еще и с лисьим капканом на лапе! Умом, конечно, не блещет, зато силища какая!

Голодные и продрогшие, в мокрых одежках, они лежали возле костра, пытаясь заснуть. Сон не шел, но они молчали и упрямо вертелись с боку на бок. Завтра они вставят стекло обратно и поэкспериментируют с камнем-балластом. Работать будут изо всех сил, с небывалым рвением, чтобы должным образом подготовить себя и возродить боевой дух, а он должен будет еще и обуздать порожденный неудачей страх. А пруд — это вам не море, плещущееся в узком заливе, море, которое и манит, и отталкивает. На послезавтра Эвальд пообещал дать им свою лодку. Он снова повернулся на сырой земле, попробовал улечься поудобнее, Бернар-

до сделал то же самое. В конце концов Бернардо встал — коли не спится, нечего и притворяться. Было ясно, что за этим последует.

— Расскажи-ка еще раз, — взмолился Бернардо. — Расскажи о городе.

Да, они тренировались в Эвальдовом пруду, и все пошло не так, как надо, там было глубоко, темно, как ночью, и он чуть не утонул... Он глубоко вздохнул и уставился на пламя костра. Город... Они уже близко и не должны утратить веру. Послезавтра бочка вместе с ним опустится в глубину, к Винете, и уж тогда, если что, вытащить его оттуда, спасти неповоротливое судно не сможет никто. Вот оно стоит, прислоненное к стене, алчное чудище с разверстой пастью, так и готовое его проглотить. На земляном полу лежит стекло. Дубовые поленья потрескивают в костре, к балкам, под которыми вялятся Эвальдова селедка, поднимается густой белый дым. Все выглядит и пахнет как раньше. Сальвестро вспомнил мать, вспомнил, как ее нож вспарывал белые рыбки брюха, и оттуда, словно пригоршни червей, выплескивались внутренности.

— Ну? — Бернардо терял терпение.

Он вздохнул.

— Был когда-то город, — начал он, — и для людей, живших в нем, был он величайшим городом на свете. И была война, что длилась сотню лет, и был шторм, что длился одну ночь...

— Подожди! — прервал его Бернардо. — Ты пропускаешь. Каким был город?

— Сколько раз я рассказывал тебе эту историю, а, Бернардо? Если ты так хорошо знаешь ее, почему сам не рассказываешь?

— Просто рассказывай как положено. Не перескакивай. Что там насчет его жителей?

— Они были водяным народом, — ответил Сальвестро. — Люди, которые тогда в нем жили, были рыбаками, лодочниками, пиратами, а дома́ их стояли на болотах. В устьях рек они ставили большие города, самые большие были обнесены бревенчатыми стенами с четырьмя воротами. Один только невольничий рынок занимал не меньше акра, и туда съезжались торговцы — с севера, от ледяных утесов, они приплывали на кораблях, а с засушливых долин юга и с плодородных равнин востока прибывали верхом или даже пешком. Город стал самым богатым на свете...

Ну вот, он вошел в наезженную колею, и рассказ потек сам собою.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Винета	11
II. <i>Pu</i> -им	169
III. Плавание судна «Носса Сеньора да Ажуда» из порта Гоа в залив Бенин зимой 1515-го и весной 1516 года.....	523
IV. И корабль плывет.....	599
V. Нри	645
VI. Навмахия.....	743
VII. <i>Gesta Monachorum Usedomi</i>	827
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Историческая справка. <i>Н. Рудницкая</i>	835
Примечания. <i>А. Блейз</i>	851

Норфолк Л.

Н 83 Носорог для Папы Римского : роман / Лоуренс Норфолк ; пер. с англ. Н. Рудницкой, Г. Яропольского. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 864 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-14361-6

Лоуренс Норфолк — автор таких интеллектуальных бестселлеров, как «Словарь Ламприера» (премия имени Сомерсета Моэма), «В обличье вепря» и «Пир Джона Сатурналла». Его книги переведены на 34 языка, а их суммарный тираж достиг полутора миллионов экземпляров. Все романы Норфолка содержат захватывающую детективную интригу, драматическую историю предательства, возмездия и любви, отголоски древних мифов и оригинальную интерпретацию событий мировой истории...

Итак, вашему вниманию предлагается его второй роман-лабиринт. Норфолк снова изображает мир на грани эпохальной метаморфозы: погрязший в роскоши и развлечениях папский Рим как магнитом тянет искателей приключений и паломников, тайных и явных эмиссаров сопредельных и дальних держав, авантюристов всех мастей. И раздел сфер влияния в Новом Свете зависит от того, кто первым доставит Папе Льву X мифического зверя носорога, испанцы или португальцы; ведь еще Плиний писал, что природным врагом слона является именно носорог, а слон у Папы уже есть...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЛОУРЕНС НОРФОЛК
НОСОРОГ
ДЛЯ ПАПЫ РИМСКОГО

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Анастасия Келле-Пелле

Подписано в печать 25.06.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 54. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-22599-01-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/